МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИИ

ТРУДЫ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕННОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ

Том IX

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1996

Я. А. ЯКОВЛЕВ

ГОРОДИЩЕ ЛЕБЯЖЬЕ — НОВЫЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ

Памятник открыт автором в 1987 г., раскапывался в 1990 г. Расположен в нижнем течении р. Кети — правого притока Средней Оби, в 1,8—2,0 км к северу от бывшей д. Лебяжье Северского сельсовета Колпашевского района Томской области. В этом месте высота правой террасы р. Кети увеличивается над уровнем поймы с 8 до 12 м (рис. 1). Городище имеет подковообразный тип обороны. Его строители, умело используя мысовидное 4-метровое превышение северного участка берега, рвом современной визуальной шириной 2,2—3,3 м (средн. — 2,9 м) и глубиной 0,35—0,75 м (средн. — 0,55 м) еще более увеличили труднодоступность защищенной площадки. Размеры последней достигают 200 кв. м. Следов искусственного рельефа не видно из-за недавнего пожара, исказившего поверхность многочисленными выворотнями и ямами и образовавшего плотный покров из пней, горелых и сухостойных деревьев, обильной послепожарной мелколиственной поросли и травостоя. В 20 м к югу от рва, вверх по течению реки на пониженной части берега зафиксированы 3 компактно расположенные западины подпрямоугольных очертаний размерами 3,1×3,4 м, 3,4×5,2 м, 4,0×5,0 м и глубиной 0,3—0,65 м без определенной закономерности в ориентации. Уже упоминавшаяся сложность рельефа допускает наличие построек на селище, не отмеченных визуально.

В последнее время проблема изучения городищ в Нарымском Приобье стоит достаточно остро, поскольку раскопки на них проводятся гораздо реже, чем на археологических памятниках других категорий — открытых селищах, могильниках. Особенно это справедливо в отношении раннесредневековых городищ, которых к сегодняшнему дню выявлено 6, и лишь два из них подвергнуты стационарному исследованию[1]. Такой дефицит источников, затрудняющий изучение поселенческих характеристик со всеми скрытыми в них этнокультурными, социальными и иными проблемами,

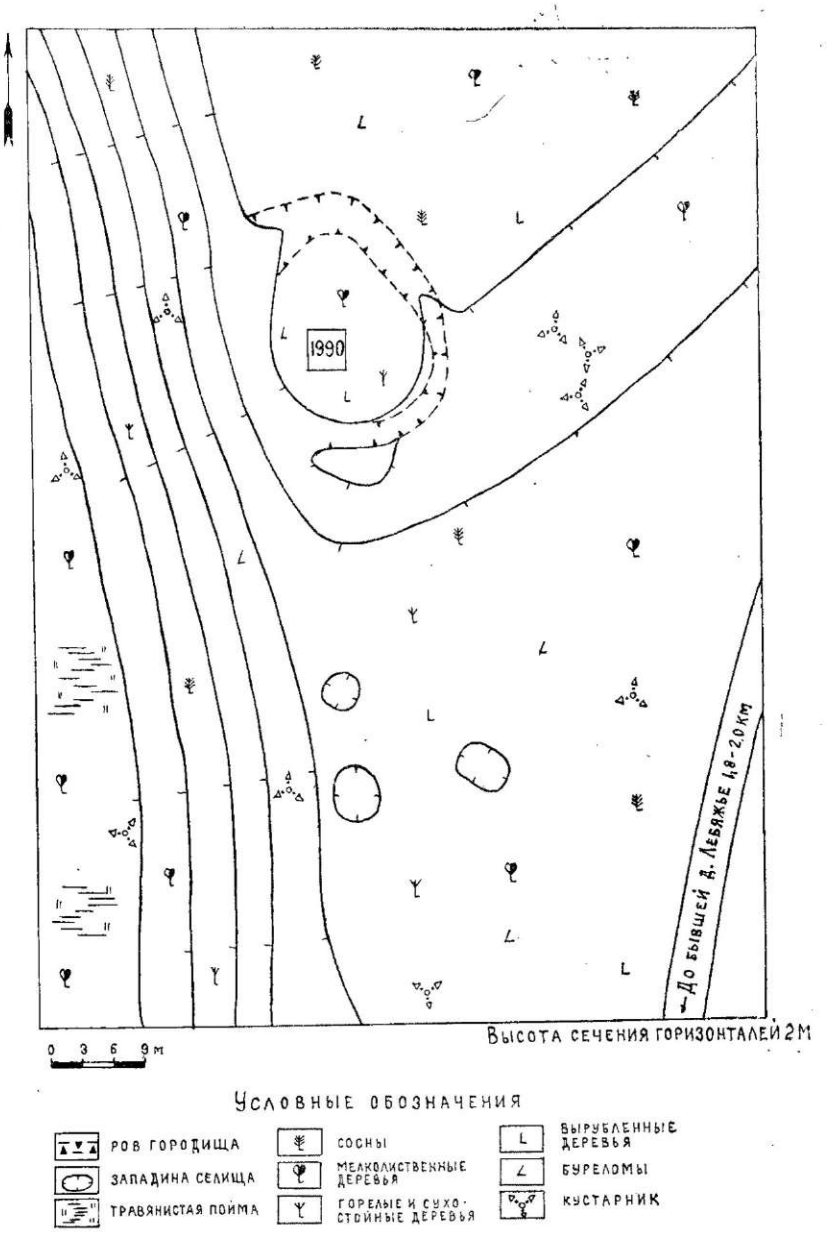

Рис. 1. Городище Лебяжье. Селище Лебяжье

побудил заложить на вновь открытом городище небольшой раскоп и скромные итоги работы осветить в предлагаемой публикации.

Ориентированный стенками по сторонам света раскоп размером 4×4 м был заложен в юго-западном секторе городища (рис. 2). Установлена однослойность памятника. Культурный слой выражен серо-желтым песком средней мощностью 20—30 см. Заметно его уменьшение до 15—20 см в восточной части раскопа (по направлению к центру городища) и увеличение до 30—35 см у западной стенки (около обрыва берега). В последнем случае около ямы глубиной 80—90 см, возникшей, очевидно, от выворотня дерева уже после окончания функционирования городища, серо-желтый песок достигал даже 40—50 см. Кое-где однообразие культурного слоя нарушалось вкраплениями угольков и небольших линз прокала. В юго-восточном углу раскопа (кв. 4) на материке слабо прослеживалась тонкая прослойка темно-серого песка в 1—2 см. За исключением этого участка граница между материком, представленным желтым песком, и культурным слоем не отличалась ни четкостью, ни строгостью горизонтальной плоскости. Однако определенных следов искусственных углублений в материке не зафиксировано.

Иных объектов, кроме пятна I, в раскопе не обнаружено. Его контуры наметились в кв. 2 почти сразу под дерном, на глубине ок. 5 см. После зачистки горизонта I (условный горизонт = 10 см) пятно приняло аморфные очертания, вытянутые с севера на юг на 1,85 м и с запада на восток на 1,36 м. На фоне общего серо-желто-песчаного слоя объект выделялся гумусированным песком коричневого цвета. Внизу подстилался небольшими ярко-оранжевыми линзами прокала. Мощность пятна 10—15 см. Оно, скорее всего, связано с процессом металлообработки. Об этом свидетельствуют не только его заполнение, но и характер находок в объекте и вокруг него.

Почти все находки[2] обнаружены в восточной части раскопа (кв. 2, 4), ближе к центру городища. Прибрежный участок в этом отношении почти стерилен. Здесь найдены лишь 16 фрагментов керамики и кусочек ошлаковки на горизонтах II—III да каменный абразив на глубине 32 см от уровня современного горизонта. Не исключено, что вдоль берега располагались какие-то элементы фортификации (стена, тын...), ограничивающие на этом участке жизненную активность обитателей городища и препятствующие вследствие этого отложению культурных остатков в слое. Распределение находок по условным горизонтам наглядно демонстрирует ослабление их концентрации сверху вниз: горизонт I — 92 находки

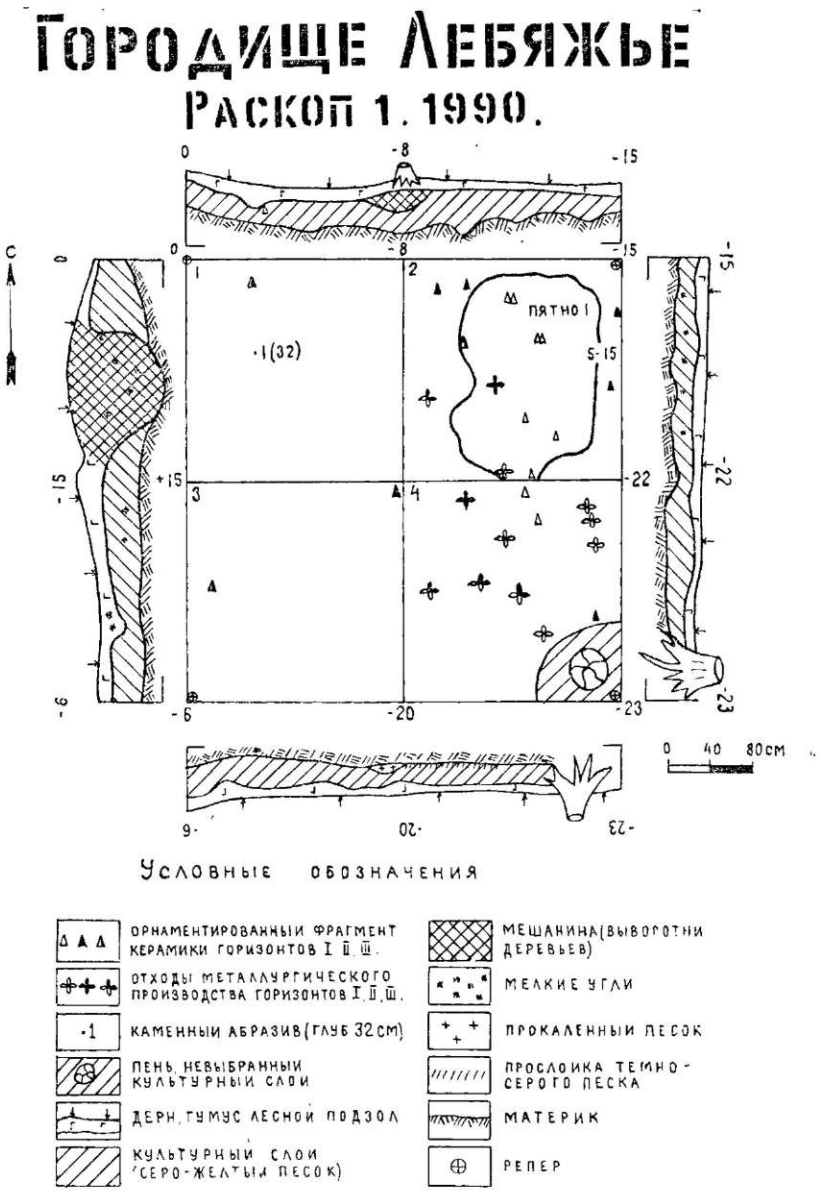

Рис. 2. Городище Лебяжье. Раскоп I. 1990 г.

(из них 33 — из пятна I), горизонт II — 26 находок, горизонт III — 21 находка.

Всего в раскопе обнаружено 139 находок: 108 — фрагменты керамической посуды, 29 — отходы металлообработки, I — абразив на обломке пластины песчаника, I — небольшая речная галька.

Отходы металлообработки. Основная часть находок этой группы представляет собою обломки сильно ошлакованной глиноземной обмазки стенок или пода горна (печи?) и кричные шлаковидные подтеки[3]. Обнаружено также 3 куска обожженной глины и большая крица. Все это указывает на наличие железоделательного производства на городище, по крайней мере, до этапа получения крицы. Здесь же проводились и бронзолитейные работы — на одном из фрагментов керамики имеется прикипевшая ошлаковка бронзы (скорее всего, оловянистой).

Металлопроизводящая деятельность на городище — факт далеко не случайный. Тенденция обособления в пространстве производственно-металлургических процессов начала проявляться в Приобье в начале раннего железного века. На Средней Оби именно раннекулайские (васюганские) городища ярко демонстрируют признаки металлообрабатывающих, в основном бронзолитейных, работ[4]. На заключительной стадии кулайской культуры стремление к объединению участков металлообработки с закрытыми поселениями привело к отсутствию любых признаков этой специфической отрасли хозяйства в материалах саровских селищ[5]. Раскопки средневековых городищ, как уже отмечалось, лишь начинаются. Однако присутствие в разведочных сборах с них отходов металлопроизводящей деятельности, раскопки городищ развитого и позднего средневековья в Нижнем Приобье[6] приводят к мысли, что металлопроизводящая деятельность была одной из функций многоцелевых приобских городищ на всем протяжении железного века вплоть до одновременного исчезновения в местных культурах в XVII—XVIII вв. и традиционного градостроительства, и деятельности по производству и обработке металлов. Это подтверждают теперь и находки с раннесредневекового городища Лебяжье, занимающего свое место в линии развития укрепленных поселений Приобья. Хотя решение этой проблемы возможно лишь с дальнейшим развитием средневековой археологии, поскольку следы металлообработки фиксируются и на некоторых открытых селищах эпохи раннего средневековья, например на наиболее исследованном Малгете.

Керамика. Всего обнаружено 108 фрагментов глиняной посуды. Целых или полностью реконструируемых сосудов нет. Большинство находок — неорнаментированные обломки стенок и днищ.

Фрагменты с орнаментом происходят от 12 сосудов: 10 из них представлены венчиками и стенками (рис. 3), 2 — только стенками. Малочисленность находок не позволяет провести типологию и обусловливает их суммарное описание.

Сосуды, по крайней мере некоторые, изготовлялись ленточным способом; например, фрагмент № 57 (рис. 3, *8*) обломан именно по линии стыковки. Толщина стенок — 4—8 мм. Заметно их утолщение от шейки к тулову, а затем к днищу. В тесте имеется примесь: чаще — шамота, реже — песка и мелкосеяного камня. Обжиг посуды неровный, костровой. Хорошо заметны следы затирания керамики снаружи и изнутри. На внутренней стороне

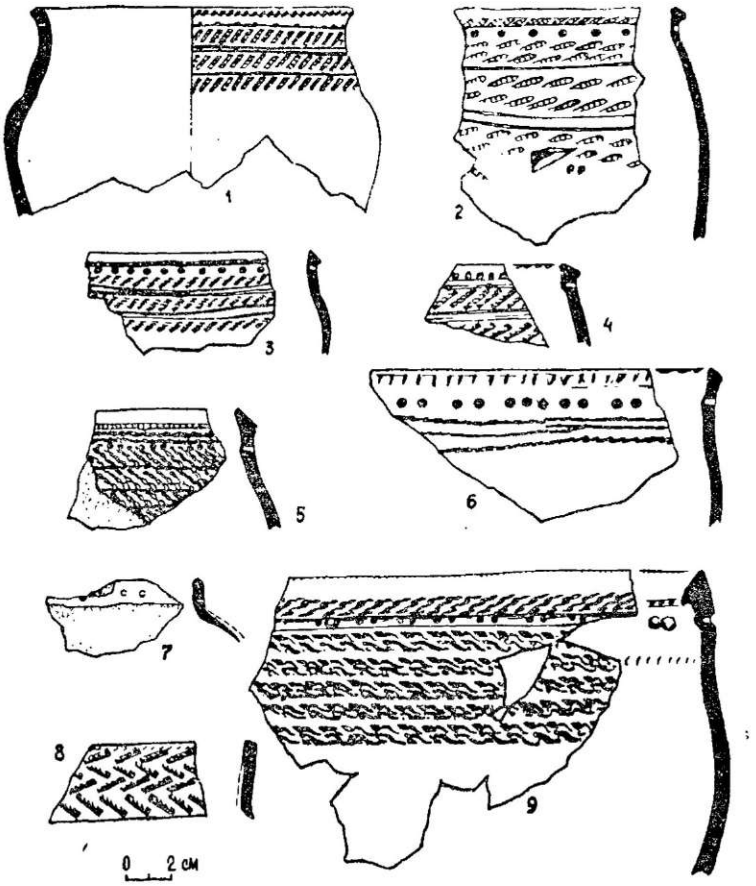

Рис. 3. Городище Лебяжье. Керамика

одного из фрагментов фиксируются тесно расположенные небольшие отпечатки подушечек трех пальцев, показывающие способ формовки и (или) орнаментации сосуда: ладонь через обрез устья охватывала венчик, большой палец оставался снаружи, а противопоставленные ему остальные 4 пальца прижимались к поверхности изнутри.

Форму можно проследить только у 8 сосудов. Все они являют собою круглодонные горшки с разной степенью выраженности средних размеров шейки: от слабозаметной (рис. 3, *9*) до резко выгнутой наружу (рис. 3, *7*). Диаметр устья — от 13 до 24—25 см. В половине случаев (рис. 3, *2—5*) обрез венчика уплощен и резко скошен наружу, образуя карнизик. По одному или обоим ребрам обреза нанесены прямые или косые насечки гребенчатым штампом. У одного сосуда (рис. 3, *9*) уплощенный обрез с карнизиком скошен внутрь, у двух (рис. 3, *1, 6*) уплощен и оставлен прямым, единственный раз (рис. 3, *7*) он закруглен.

Все сосуды, фрагменты которых обнаружены в раскопе, орнаментированы в верхней части: по шейке и плечику. Всего зафиксировано 3 технических приема выполнения узора: тисненый, прочерченный и прокатанный. Первый из них представлен ямками, вдавлениями гребенчатого и гладкого штампов, кольцом; второй — линиями или желобками; третий — нечеткими волнистыми линиями.

Ямки диаметром 2,5—4,5 мм, присутствующие на 8 фрагментах венчиков из 10, почти всегда замыкают композицию сверху. Зафиксировано их группирование по 2—3. На одном из сосудов (рис. 3, *9*) они оттиснуты внутри желобка, на другом (рис. 3, *5*) — поверх ранее нанесенного орнамента. Гребенка отпечатана на половине орнаментированных обломков керамической посуды: пяти венчиках и одной стенке. Вдавления различаются по величине, количеству зубцов (4 и 5) и мотиву исполнения (горизонтальный и елочка). Гладкий штамп встречен на 2 сосудах. Его оттиски либо выстроены в неровные горизонтальные линии (рис. 3, *6*), либо, организовываясь по 5, они образуют фестоны в нижней части орнаментальной композиции. И гребенчатый, и гладкий штампы отпечатывались всегда наклонно. Кольцо встречено единожды — на внешней стороне и обрезе венчика (рис. 3, *7*). Его диаметр 3 мм. На этом же фрагменте на одной линии с кольцами имеется и глубокая ямка одного с ними диаметра. Скорее всего, ямки оттискивались не цельно-цилиндрическим инструментом, а полой трубочкой, и кольца могли образоваться вследствие слабого тычка при нанесении ямки. Горизонтальные прочерченные линии (мелкие и узкие) или желобки (глубокие и широкие) отме-

чены на 5 сосудах (рис. 3, *1—4*, *9*). Линии иногда удвоены. Эти элементы орнамента изображены протягиванием палочки с приостренным, прямоугольным или заоваленным торцом. Узор, выполненный в прокатанной технике, на отдельные элементы практически не расчленяется (рис. 3, *5*, *9*). В оттиснутой полосе лишь с трудом угадываются волнистые линии, отдаленно напоминающие «змейку» или «псевдоуточку».

В тех случаях, когда орнаментальная композиция прослежена полностью, налицо преобладание сочетания двух технических приемов (тисненого и прочерченного) и трех элементов.

В целом для керамики городища наиболее характерны горшковидные круглодонные сосуды с уплощенным и скошенным наружу обрезом венчика и зональным расположением орнамента: вверху нанесена линия ямок, а ниже — чередование прочерченных линий, иногда удвоенных, и горизонтальных рядов наклонных оттисков прямопоставленного гребенчатого штампа.

Эта керамика хорошо коррелируется с материалами из Нарымского Приобья: иногда сходство достигает уровня полного тождества. Причем диапазон ее распространения довольно широк: р. Тым (селища Кондрашкино I — рис. 4, *5*, Паргаляк II — рис. 4, *6*, Черная Речка II — рис. 4, *4*, Поль-ту I), р. Васюган (селища Чарымовское I — рис 4, *7*, Чарымовская Лисоферма — рис. 4, *8*, Лисий Мыс) и т. д. На полностью раскопанном Нёготском селище IV, как и на городище Лебяжье, керамика такого облика является доминирующей (рис. 4, *1—3*). Все эти памятники датируются эпохой раннего средневековья и расположены на территории распространения рёлкинской культуры[7], хотя в базовом памятнике культуры — могильнике Рёлка — подобная посуда представлена крайне незначительно.

Этот же тип керамики распространен гораздо шире и встречается в памятниках раннесредневековых культур, сопредельных с рёлкинской. Севернее он известен в материалах зеленогорского этапа (VI—VII вв. н. э.) Сургутского Приобья — например, с городища Барсов Городок II/I (рис. 5, *1*) и др.[8] К западу эта посуда широко представлена в материалах потчевашской культуры, причем, как на ее лесной (городища Мурлинское — рис. 5, *2—4*[9], Логиновское — рис. 5, *9*[10], селище Паново II — рис. 5, *7*, *8*[11], могильник Окунево III — рис. 5, *10*[12]), так и лесостепной (городища Барабинской низменности — рис. 5, *6*[13]) территориях. Отдельные находки такой же керамики известны даже в европейской части, как, например, с селища Морозовское IV из Вишерского района Пермской области (рис. 5, *5*)[14]. То есть на всей этой громадной территории от Обь-Енисейского водораздела на востоке до При-

камья на западе в эпоху раннего средневековья имел место «надкультурный» тип керамики, являющий собою круглодонные горшки с разной степенью выраженности шейки и уплощенным, по преимуществу, обрезом венчика. Украшение по горлу и плечикам представлено чередованием прочерченных линий или желобков и

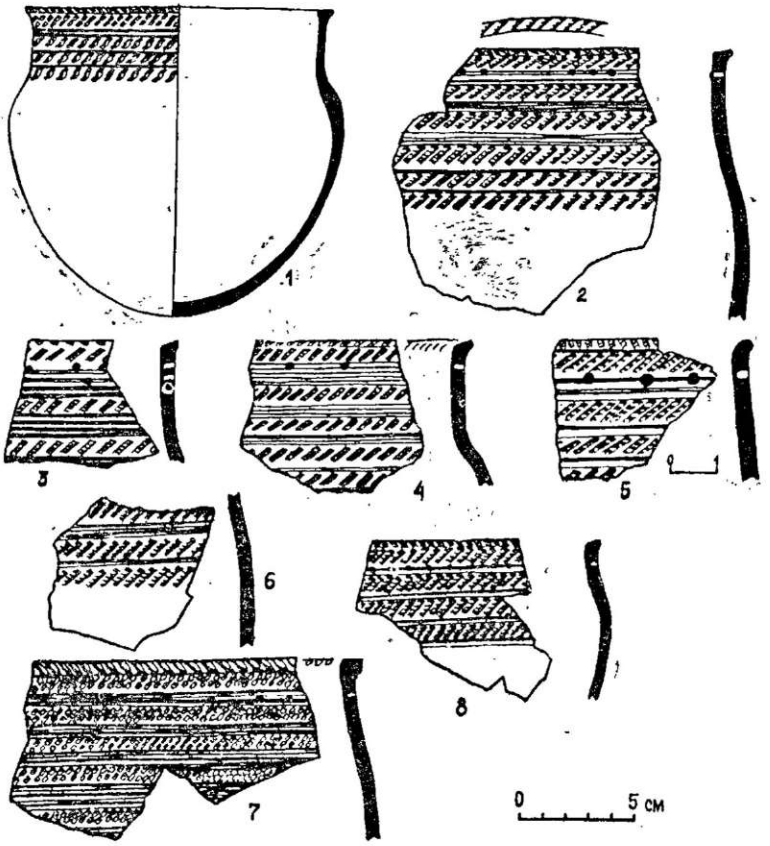

Рис. 4. Раннесредневековая керамика Нарымского Приобья: *1—3* — сел. Нёготское IV, *4* — сел. Черная Речка II, *5* — пос. Кондрашкино I, *6* — сел. Паргаляк II, *7* — сел. Чарымовское I, *8* — сел. Чарымовская Лисоферма

наклонных оттисков гребенчатого штампа. Иногда сходство прослеживается до мельчайших нюансов. Например, умножение линий или желобков от двух и выше, причем это относится не только к тем случаям, когда отмеченный элемент орнамента выпол-

нялся протягиванием гребенки, но и при работе простым стержнем. Или — группирование ямок по 2—5 и расположение их в верхней части композиции — внутри желобка или, в нарушение ритма и зональности, поверх нанесенного ранее узора. Хотя, разумеется, есть и некоторые отличия в пропорциях горшков, орнаментальных добавлениях в нижней части композиции.

В среднеобской рёлкинской культуре эта керамика объединена Л. А. Чиндиной в тип II и считается древнеселькупской[15]. В. И. Молодин увязывает указанный тип посуды с угорским компонентом в рёлкинской культуре, который, по его мнению, широко распространился по Западной Сибири после миграции «кулайцев — саровцев — южных угров»[16]. Эту же орнаментальную традицию — чередование горизонтальных прочерченных желобков с ямками в верхнем из них и прямых либо наклонных оттисков гребенчатого штампа — И. Е. Скондаков[17], Е. М. Данченко[18] и другие исследователи прииртышского средневековья уверенно называют в числе наиболее значимых признаков потчевашской керамики. Даже такой яркой орнаментальной детали, как группирование 2—5 ямок в верхнем, как правило, желобке на шейке горшка или поверх нанесенного ранее узора, одни исследователи отводят роль культурного маркёра рёлкинской керамики[19], другие — потчевашской[20].

Если же, отвлекаясь от форм, искать сходство лишь в указанном орнаменте, то территория его распространения еще более расширится. Узор в виде чередования косых вдавлений гребенки с желобками или прочерченными линиями характерен для кушнаренковских кувшинообразных сосудов раннесредневековой керамики Южного Урала[21]. Именно он послужил Н. А. Мажитову основанием для объединения кушнаренковской керамики с западносибирской, в частности, потчевашской, и поисков ее истоков в Южной Сибири. Хотя существует мнение и о западносибирских корнях кушнаренковской глиняной посуды[22].

Чем объяснить столь удивительное единообразие описанного типа керамики в раннесредневековой Западной Сибири? Впрочем, этот вопрос можно ставить гораздо шире, поскольку параллели культур этой эпохи, давно отмеченные исследователями, гораздо многообразнее, чем простые аналогии в керамике. Чаще всего сходство в культурах раннесредневекового западносибирского населения объясняется единством его кулайской базы. Это так, но не лишено оснований уже высказанное в печати мнение о субъективном стремлении исследователей «зафиксировать скорее своеобразие археологической ситуации, чем сходные черты развития ее в различных районах»[23]. Выделенные сейчас средневековые культуры лесной полосы Западной Сибири не отличаются всеобщим при-

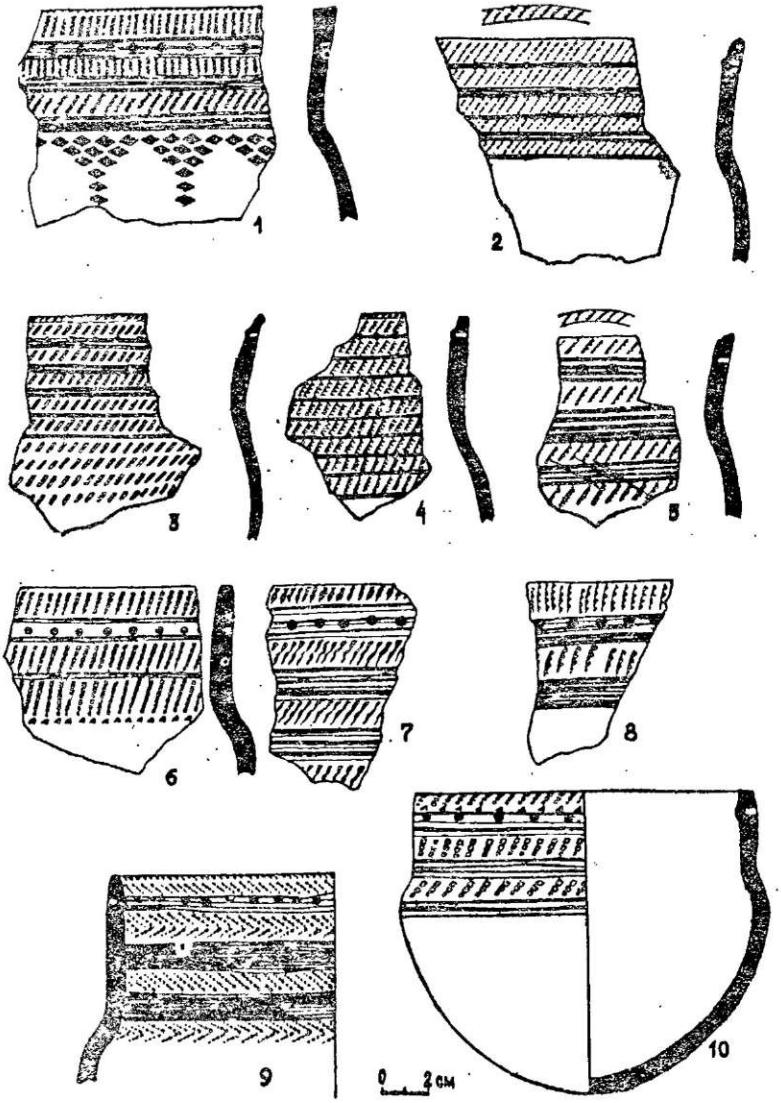

Рис. 5. Раннесредневековая керамика Западной Сибири:
1 — гор. Барсов Городок II/1, *2—4* — гор. Мурлинское, *5* — сел. Морозовское IV, *6* — Бараба, *7—8* — сел. Паново II (без масшт.), *9* — гор. Логиновское, *10* — мог. Окунево III

знанием ни в географических, ни в хронологических пределах. Это приводит к такому положению, когда один и тот же памятник одновременно относят к нескольким культурам[24]. Даже такой крупный регион, как Томское Приобье, до сих пор на раннесредневековом хронологическом отрезке культурно не определен: одни включают его в территорию распространения одинцовской культуры, другие — рёлкинской. Нет четкого рубежа между потчевашской и рёлкинской культурами. Из-за размытости границ культур, вытекающей из близости средневековой керамики с фигурно-штамповой орнаментацией форм, бронзовой художественной пластики, типов бытового инвентаря, оружия, планиграфических характеристик поселений, домостроения и т. д., исследователи зачастую вынуждены отказываться от анализа материала на уровне «археологической культуры» и оперировать иными таксономическими единицами — «локальными вариантами», «культурными ареалами», «контактными зонами» и т. д. Все это усложняет культурологические схемы, зачастую разрывает единство многих элементов культуры. Предпочтительнее в этом плане выглядят работы, где западносибирское лесное средневековье дано в виде развития одной культурной общности, представленного последовательной сменой культурно-исторических этапов[25]. Эти схемы тоже в чем-то незавершенны и несовершенны, требуют дальнейшей работы над ними, но они основываются на общих чертах средневековой материальной культуры лесной зоны Западной Сибири — достаточно многочисленных и очевидных сегодня.

Отметим некоторые итоги изучения материалов городища Лебяжье. Одноплощадочность, небольшие размеры закрытой территории и элементов фортификации, выраженной одинарной линией наружного рва и внутреннего вала, — все эти факты находят параллели в характеристиках других городищ рёлкинского времени и подтверждают невысокий уровень раннесредневекового градостроительства в Нарымском Приобье, обусловленный, очевидно, стабильностью и равномерностью социально-экономического развития. Следы металлообработки на памятнике еще раз убеждают, что эта отрасль хозяйства развивалась в средневековом Приобье на городищах, и функции последних не исчерпывались их способностью к обороне. Керамический комплекс городища находит многочисленные аналогии на территории Западной Сибири и еще раз ставит вопрос о способах корреляции средневековых западносибирских материалов.

[24] Березовская Н. В., Лоскутова М. Г., Чиндина Л. А. Многослойное городище Ютор I//Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск, 1993. С. 75—88; Яковлев Я. А. Карбинское городище II — памятник рёлкинской эпохи//Там же. С. 61—74.

[2] Фонды ТГОИАМ, кол. № 10730.

[3] Визуальное определение С. А. Терёхина.

[4] Яковлев Я. А. Карбинское городище I — памятник раннего железного века Среднего Приобья//Жилища народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 115—143.

[5] Чиндина Л. А. Древняя история Северного Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 140—141.

[6] Семенова В. И. Раскопки Урьевских городищ//Археолог. открытия 1980 года. М., 1981. С. 208—209; Она же. Работы в Сургутском и Нефтеюганском районах Тюменской области//Археолог. открытия 1982 года. М., 1984. С. 229; Она же. Некоторые археологические данные о культовом почитании мест, связанных с металлургическим производством у хантов в нач. II тыс. н. э. //Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 133—134.

[7] Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. С. 116.

[8] Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья//Вопр. археологии Урала. Екатеринбург, 1991. С. 133—135. Рис. 2—II—*9, 10*.

[9] Материалы А. С. Шемякиной.

[10] Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Логиновское городище//Вопр. археологии Урала. Свердловск, 1969. Вып. 8. Табл. 55—*11*, 56—*1*, 62—*11, 28, 29*.

[11] Материалы Б. А. Коникова.

[12] Финно-угры и балты в эпоху средневековья/Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. М.: Наука, 1987. Табл. LXXIX — *3*.

[13] Бараба в тюркское время/В. И. Молодин, Д. Г. Савинов, В. С. Елагин и др. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. С. 118—124, рис. 55, *13, 14, 16*; 56, *9*.

[14] Материалы Е. Э. Киржнер.

[15] Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991. С. 47—48.

[16] Молодин В. И. Этногенез ханты//Сургут, Сибирь, Россия: Тез. докл. Екатеринбург, 1994. С. 128—129; Молодин В. И., Лукина Н. В., Кулемзин В. М. и др. История и культура хантов. Томск, 1995. С. 11, 21.

[17] Скандаков И. Е. О культурной принадлежности памятников Среднего Прииртышья I тысячелетия н. э.//Археология Западной Сибири: Тез. докл. Омск, 1988. С. 46.

[18] Данченко Е. М. К вопросу о формировании потчевашской культуры// Ист. чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 1992. Ч. 2. С. 82—83.

[19] Чиндина Л. А. Могильник Рёлка... С. 63; Она же. История Среднего Приобья... С. 47.

[20] Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Логиновское городище... С. 118; Бараба в тюркское время... С. 121; Молодин В. И., Чемякина М. А. Еще раз о трансформации спирановского этапа потчевашской культуры в горностолевский//«Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». Барнаул, 1995. С. 131.

[21] Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М.: Наука, 1977. Табл. XVII — *5, 7, 12*, XIX — *3, 4, 7, 9*.

[22] Там же. С. 68—69, 179.

[23] Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье...

[24] Например: Финно-угры и балты... Карты на с. 163—235.

[25] Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э.//Матер. и исслед. по археологии СССР. М., 1957. № 58. С. 136—246; Федорова Н. В. О культурной принадлежности Обь-Иртышских памятников I тыс. н. э.//Ранний железный век Зап. Сибири. Томск, 1978. С. 78—83; Федорова Н. В. и др. Сургутское Приобье...